

Пелипенко «Дуалистическая революция» и статья Д.И. Полывянного о гражданской миссии классического университета. Со многими выводами этих авторов хочется не согласиться, поспорить. Да и темы слишком разные, чтобы найти что-то общее между ними. Но их объединяет одно — стремление в поисках истины выйти за рамки привычного дискурса с заранее заданным содержанием и стилем исследования.

В заключение хотелось бы сообщить о предстоящей международной научной конференции «Электронная культура и новые гуманитарные технологии XXI века» из цикла конференций «Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира», которую предполагается провести с 25 по 27 октября.

Конференция организуется под эгидой Федерального агентства по культуре и кинематографии и при участии таких организаций, как Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, Российский институт культурологии, Институт человека РАН, Научно-методический совет по культурологии УМО университетов России, Научно-методический совет по социологии и социальной антропологии УМО университетов России, Междисциплинарная научная ассоциация «Человек. Культура. Общество», Национальная академия кинематографических искусств и наук России.

К участию в конференции приглашаются российские и зарубежные ученые, представители научных и учебных заведений, творческих организаций и интеллектуальных кругов Москвы, Санкт-Петербурга, других регионов Российской Федерации, стран СНГ и зарубежных стран.

В состав оргкомитета и программного комитета конференции вошли руководители ведомств, академических учреждений и вузов России, известные специалисты по проблемам теории и истории культуры, экранного творчества и гуманитарных технологий.

В рамках конференции планируется также провести научно-методическое совещание по культурологии и социальной антропологии, организационное собрание Междисциплинарной научной ассоциации «Человек. Культура. Общество», III Широкогородские чтения (посвящается памяти С.М. Широкогорова), а также круглые столы и презентации научных журналов.

Подробную информацию о предстоящей конференции смотрите в рубрике «Информация для читателей».

Читайте и выписывайте наш журнал.

Юрий Резник

† Классическое наследие

МАКС ВЕБЕР

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ*

«Раса»

Значительно более проблематичным — в сравнении с рассмотренными ранее — источником общественного действия (*Gemeinschaftshandeln*) является в действительности обладание одинаковыми унаследованными и наследственными склонностями (*Anlagen*), основанное на единстве происхождения (*Abstammungsgemeinsamkeit*), то есть «расовая принадлежность». Она ведет к «общности» («*Gemeinschaft*»), конечно, в общем, только тогда, когда она субъективно воспринимается как общий признак, а это происходит только тогда, когда соседство (*ortliche Nachbarschaft*) или объединение различных в расовом отношении индивидуумов связаны с общим действием (большей частью политического характера) или, наоборот, какие-либо общие судьбы однородных в расовом отношении связаны с какой-нибудь *противоположностью* однородного (*Gleicharteten*) по отношению к *бросающемуся в глаза* иному (*Andersgearteten*).

Возникающее на этой основе общественное действие по обыкновению проявляется, в общем, только чисто негативно: как выражение обособления и презрения или, напротив, суеверной боязни (*Scheue*) по отношению к бросающемуся в глаза иному (*Andersartige*). В соответствии со своим внешним габитусом (*Habitus*) индивидуум иного происхождения (*Andersartige*), независимо от того, может ли он «реализовываться» или «быть» тем, чем он хочет, презирается просто как таковой или, наоборот, суеверно почитается там, где он в течение длительного времени был могущественным. Отталкивание (*Abstossung*) при этом является первичным и нормальным. Но, во-первых, этот род «отталкивания» присущ не только носителям антропологического сходства (*Gemeinsamkeiten*) друг по отношению к другу, и его мера

* Перевод сделан по изданию: *Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1925. SS. 216–226.* Данный текст представляет собой третью главу второго полутома этого произведения (прим. переводчика).

также ни в коем случае не определена степень их антропологического родства, и, во-вторых, оно ни в коем случае не привязывает их также и, прежде всего, не только к унаследованным, но равным образом и к другим бросающимся в глаза различиям внешнего габитуса.

Если степень объективных расовых различий можно определить чисто физиологически среди прочего также и тем, распространены ли в приблизительно нормальной степени бастарды или нет, то субъективное взаимное расовое притяжение и отталкивание в своей степени интенсивности могло бы измеряться тем, вступают ли люди в сексуальные отношения между собой охотно или редко, в длительные отношения или существенно только временно и нерегулярно. Существование или отсутствие браков во всех развитых до уровня, характеризующегося наличием особого «этнического» сознания общностей, естественно, было бы нормальным последствием расового притяжения или обособления.

Исследование отношений сексуального притяжения или отталкивания между различными этническими общностями сегодня только начинает становиться объектом точных наблюдений. Нет ни малейшего сомнения в том, что для интенсивности сексуального общения и для образования брачных общностей (*Konubialgemeinschaft*) расовые моменты, следовательно, моменты, обусловленные общностью происхождения, также играют роль, иногда даже и решающую. Но против «естественности» («*Urwüchsigkeit*») сексуального расового отталкивания даже далеко стоящих друг от друга рас достаточно отчетливо все же говорят, конечно, например, многие миллионы мулатов в Соединенных Штатах.

Действительное отвращение к любым сексуальным отношениям между двумя расами вообще, наряду с прямым запретом браков между представителями различных рас в южных штатах, поддерживаемое сейчас и обоюдно, с недавних времен — также и неграми, является продуктом возникших лишь после освобождения рабов претензий негров считаться полноправными гражданами, следовательно, продуктом *социально* обусловленных посредством известных нам по схеме¹ и связанных в этом случае с расой тенденций к монополизации социальной власти и чести (*Macht und Ehre*). «Брак» («*Konubium*») вообще, следовательно, явление, заключающееся в том, что отпрыски устойчивых сексуальных союзов (*Abkömmlinge aus sexuellen Dauergemeinschaften*) допускаются политической или сословной или экономической общностью, к которой принадлежит их отец, к равноправному участию в общественном действии и привилегиям, полагающимся его участникам, зависит от разнообразных обстоятельств.

В условиях беспрекословного господства главы дома, о котором речь пойдет позднее, признание любых детей рабынь равноправными полностью

¹ Речь идет о содержании главы «Сословия и классы» первого полутома этого же произведения (*прим. переводчика*).

находится в воле отца. Обычай похищения женщин героями окончательно сделал расовое смешение в господствующих слоях общества правилом в прямом смысле слова. Лишь известная нам по упомянутой схеме тенденция к монопольному самозамыканию (*Abschliessung*) политических или сословных или других общностей и к монополизации шансов на брак во многом ограничивает эту власть главы дома и создает не только строгое ограничение для брака с выходцами из устойчивых сексуальных союзов внутри собственной (сословной, политической, культовой, экономической) общности, но и, тем самым, одновременно и в высшей степени действенно — близкородственные брачные связи (*höchst wirksame Inzucht*).

«Эндогамия» общности — если под этим понимается не тот простой факт, что устойчивые отношения между полами происходят преимущественно на основе принадлежности к постепенно вырождающемуся союзу, но и ход общественного действия, характеризующийся тем, что только отпрыски, рожденные в эндогенной среде, воспринимаются как равноправные товарищи и соучастники общественного действия, — это, пожалуй, всегда является вторичным продуктом таких тенденций. (О «родовой» эндогамии («*Sippen-Endogamie*») здесь не должно быть и речи; она не существует или существует только тогда, когда такие явления как левиратный брак (*Leviratsehe*) и наследственное право дочери, которые имеют вторичное, религиозное и политическое происхождение, можно было бы охарактеризовать с помощью этого наименования).

Выведение (*Reinzüchtung*) антропологических типов очень часто является вторичным последствием подобного, обычно чем-либо обусловленного самозамыкания (*Abschliessung*), как у сект (Индия), равно как и у «народов-парий», то есть у общностей, которые одновременно в социальном отношении презираются и рассматриваются все же как неизбежные соседи ради необходимой, монополизированной ими особой техники.

Не только сам факт реальной кровной связи (*Blutband*), но также и степень, в которой она принималась во внимание как таковая, были обусловлены другими причинами, чем степень объективного расового родства. Мельчайшая доля негритянской крови в Соединенных Штатах, безусловно, дисквалифицирует, тогда, как очень значительная примесь индейской крови не считается основанием для дисквалификации.

Несомненно, наряду с весомым в этом отношении обстоятельством, что характерные черты (*Gepräge*) чистокровных негров для белых в эстетическом отношении выглядят более чужеродными, чем антропологические особенности индейцев, и к этому, безусловно, приводит воспоминание о том, что негры в противоположность индейцам рассматриваются как народ рабов и, следовательно, как сословно дисквалифицированная группа. Сословные, следовательно, воспитанные, различия и различия, связанные с собственным «образованием» (в самом широком смысле слова) являются намного

более сильным препятствием для конвенционального брака, чем различия антропологического типа. Чисто антропологическое различие разделяет, за исключением крайних случаев эстетического отталкивания, лишь в незначительной степени.

Возникновение «расовых» признаков

Но вопрос, основываются ли различия, сильно отклоняющиеся от нормы (*abweichend*) и, следовательно, воспринимаемые как разделяющие людей, на «склонностях» или «традициях», обычно совсем не имеет значения для воздействия этих различий на взаимное притяжение или отталкивание. Это имеет значение для возникновения эндогамных брачных общностей (*endogamer Konnubialgemeinschaften*) и, тем более, конечно, это имеет значение для возникновения притяжения или отталкивания в подобном «общении», следовательно, для того, создаются ли самые разнообразные дружеские, товарищеские или экономические отношения общения (*Verkehrsbeziehungen*) и самые разнообразные общности (*Gemeinschaftsbildungen*), объединяющие такие группы, легко и на основе взаимного доверия и взаимного признания друг друга в качестве равных по природе и по достоинству (*gleichartig und gleichwertig*) или же все это происходит только со значительными затруднениями и по принятии всех необходимых мер предосторожности, диктуемых недоверием.

Большая или меньшая легкость возникновения *социальной общности общения* [*soziale Verkehrsgemeinschaft*] (в самом широком смысле слова) тем более связана с самыми значительными внешними моментами возникших в силу каких-либо случайных исторических причин различий во внешних проявлениях повседневной жизни в той же мере, что и с расовым генетическим материалом (*Erbgut*). Решающим, наряду с необычностью отклоняющихся от норм традиций как таковых, является то, что отклоняющиеся от норм «нравы» в своем субъективном «смысле» не являются прозрачными (*durchsicht wird*), потому что отсутствует ключ к ним. Но не всякое отталкивание основано на отсутствии общности «понимания» («*Verständnis*»-*Gemeinschaft*), как это мы вскоре и увидим.

Различия в манере ношения бороды и волос, в одежде, в гастрономических привычках, в традиционном разделении труда между полами и вообще все бросающиеся в глаза различия, градации между «важностью» или «неважностью» которых имеют столь же небольшое значение для непосредственных чувств притяжения и отталкивания степени, как и для наивных путевых описаний или для Геродота или для более поздней донаучной этнографии, могут в отдельных случаях быть поводом к отталкиванию от инородного и презрению к нему. В качестве позитивной обратной стороны этого, приводят к возникновению сознания сходства (*Gemeinsamkeitsbewusstsein*) однородного, которое потом вполне столь же легко может стать носителем естественно возникших отношений (*Vergemeinschaftung*), как и с другой стороны,

любая разновидность естественно возникшей общности (*Gemeinschaft*), от домашнего и соседского союза до политической и религиозной общности, по обыкновению является носителем одинаковых нравов.

Все различия «нравов» могут питать специфические чувства «чести» и «достоинства» своих носителей. Первоначальные мотивы возникновения различий в жизненных привычках (*Lebenspflogenheiten*) забываются, а контрасты продолжают существовать в качестве «конвенций». Так, как подобным образом могут влиять на возникновение нравов все общности и каждая из них в отдельности, так же влияет на это каким-либо специфическим образом каждая из общностей, связывая с отдельными унаследованными качествами благоприятные шансы на жизнь, выживание и продолжение рода (*Lebens-, Überlebens- und Fortpflanzungschancen*) различного рода в порядке отбора антропологических типов, следовательно, влияет, производя селекцию (*züchtend*), причем в определенных обстоятельствах вполне действенно. Это происходит как при внутреннем уравнивании (*Ausgleichung*), так и при противопоставлении внешней среде.

Известная нам еще по вышеупомянутой схеме тенденция к монополюльному самозамыканию (*Abschliessung*) по отношению к воздействию извне может быть связана с любым еще довольно внешним моментом. Универсальная сила «подражания» («*Nachahmung*») действует, в общем, таким образом, что как антропологические типы посредством расового смешения, так и чисто традиционные привычки с места на место изменяются обычно только в форме постепенных переходов. Четкие границы между областями распространения внешне воспринимаемых жизненных привычек (*ausserlich wahrnehmbaren Lebens Gepflogenheiten*) возникли оттого либо посредством осознанного монополюльного самозамыкания (*Abschliessung*), вначале связанного с незначительными различиями, которые потом намеренно культивировались и усиливались или путем мирного или военного переселения естественно возникших общностей (*Gemeinschaften*), которые до того находились далеко отсюда и которые своими традициями были приспособлены к иным (*heterogene*) условиям существования.

Равным образом, следовательно, как разительно отличные друг от друга расовые типы, возникшие благодаря селекции (*Züchtung*) в изоляции или посредством монополюльного самозамыкания (*Abschliessung*) или попавшие посредством переселений в систему строго определенных соседских отношений (*scharf abgegrenzte Nachbarschaft*) друг с другом. Тождество и противоположность (*Gleichartigkeit und Gegensätzlichkeit*) габитуса и жизненных привычек, как вытекает из всего вышесказанного, совершенно безразличны к тому, подчинены ли в принципе генетический материал (*Erbgut*) или традиции в своем возникновении и изменении действительности совершенно одинаковым условиям совместной жизни, и они являются одинаковыми также и в своем воздействии, приводящем к образованию общностей.

Различие заключается, с одной стороны, в очень большом различии лабильности обоих, в зависимости от того, что идет ли речь о генетическом материале (Erbgut) или о традициях, и, с другой стороны, в устойчивых (даже если и в отдельных случаях часто и непознанных) границах разведения (Anzüchtung) новых наследственных качеств вообще, которые, напротив, несмотря на все же сильные различия в переносимости традиций, предоставляют, в общем, для превращения «нравов» в обыденность намного более широкое пространство.

Почти каждый вид сходства и противоположности (Gemeinsamkeit und Gegensätzlichkeit) габитуса и привычек может стать поводом для субъективной веры в то, что между притягивающимися или отталкивающимися группами существует племенная близость (Stammverwandschaft) или племенная чужеродность (Stammfremdheit). Правда, не всякая вера в родовую близость основывается на равенстве (Gleichheit) нравов и габитуса. В этой области явление этого рода также может существовать и, несмотря на значительные отклонения, достигать такой силы, которая в состоянии создавать общности (gemeinschaftsbildende Macht), если такая вера основывается на воспоминаниях о реальном переселении, о колонизации или переселении отдельных индивидуумов. Это происходит потому, что влияние приспособленности к обычаям (Gewohnte) и воспоминаниям юности существует как источник «чувства родины» у переселенцев также и впоследствии, даже если они настолько приспособились к новому окружению, что это делает невозможным для них самих возврат на родину (как, например, у большинства германоамериканцев).

В колониях внутреннее отношение колонистов к их родине претерпевает (überdauert) очень сильное смешение с их отношением к данной колонии, происходит также значительное изменение традиций, равно как и генетического типа (Erbtypes). Решающим для этого при политической колонизации служит потребность в политической опоре; общим является далее созданные благодаря бракам родственные отношения с жителями колоний (Verschwägerungen) и, наконец, поскольку «нравы» остались неизменными, дополнительные отношения (Absatzbeziehungen) между родиной и колонией, которые, поскольку эта потребность (Bedürfnisstand) сохраняется неизменной, могут существовать, приобретая особую интенсивность, в особенности в колониях, которые существуют в почти абсолютно чуждом окружении и внутри чуждой политической области. Вера в родовую близость (Stammverwandschaftsglaube) может — конечно, совершенно независимо от того, является ли она каким-нибудь образом объективно обоснованной — иметь важные последствия собственно для образования политических общностей.

Такие человеческие группы, которые на основе сходства внешнего габитуса или нравов или того и другого или на воспоминаниях о колонизации и переселении сохраняют субъективную веру в общность происхождения (Abstammungsgemeinsamkeit) такого рода, что это становится важным для пропаганды естественно возникших общностей (Vergemeinschaftungen), и, далее,

если они не являются «родами» («Sippen»), мы хотим назвать «этническими группами», совершенно независимо от того, положена ли в их основу объективно существующая кровнородственная общность (Blutsgemeinschaft) или нет.

От «родовой общности» («Sippengemeinschaft») «этническая» общность (Gemeinsamkeit) отличается тем, что именно она является только «общностью» в себе (мыслимой), но не «общностью», как род, сущность которого связана с реальным общественным действием (Gemeinschaftshandeln). Этническое сходство (Gemeinsamkeit) [в полагаемом здесь смысле], напротив, является не естественно возникшей общностью (Gemeinschaft) самой по себе, а только моментом, облегчающим становление естественно возникших отношений (Vergemeinschaftungen). Этническое сходство способствует возникновению самых различных общностей, но, прежде всего, конечно, как показывает опыт, политических общностей (Vergemeinschaftung). С другой стороны, политическая общность в первую очередь обычно пробуждает всюду, даже если и в своих довольно искусственных расчленениях (Gliederungen), этническую веру в общность, и даже после распада общности эта вера сохраняется в качестве наследия, даже и в том случае, если ей препятствуют значительные различия нравов и габитуса и, особенно, языка.

Этот «искусственный» вид возникновения этнической веры в общность (Gemeinsamkeitsglauben) вполне соответствует известной нам схеме преобразования рациональных созданных общностей (Vergesellschaftungen) в личные отношения внутри естественно возникших общностей (persönliche Gemeinschaftsbeziehungen). В условиях незначительного распространения рационально определенных действий в созданных общностях (Gesellschaftshandeln) почти каждая, даже и чисто рационально созданная общность (Vergesellschaftung) притягивает более значительно более распространенное сознание естественно возникшей общности в форме личного братства (Verbrüderung) на базисе «этнической» веры в общность.

Еще у эллинов каждое достаточно произвольно произведенное расчленение полиса становилось личным союзом, располагающее, по меньшей мере, общим культом, а часто и искусственным предком. 12 колен Израиля были подразделениями политической общности, которая поочередно помесечно несли определенные повинности, как и эллинские филы и их подразделения. Но последние также имели значение в полной мере и как этнические общности, объединенные происхождением (Abstammungsgemeinsamkeiten). Конечно, теперь первоначальное разделение может быть очень хорошо связано с политическими или уже существующими этническими различиями. Но также и там, где при разрыве старых союзов и отказе от локальной связи конструировалось вполне рационально и схематично, действовала она вполне в равном смысле этнично.

Это, конечно, не означает, что эллинистический полис реально или после возникновения по обыкновению был племенным или родовым государством.

ством (Stammes- oder Geschlechterstaat), но это является симптомом в целом незначительной степени рационализации жизни эллинистической общности (hellenischen Gemeinschaftsleben) вообще. Напротив, симптомом более значительной рационализации римской политической естественно возникшей общности (Gemeinschaft) является то, что старое схематическое деление (курии) было связано с религиозным делением, имитирующим этническое происхождение, в еще менее значительной степени.

«Этническая» вера в сходство (Gemeinsamkeitsglaube) очень часто, но не всегда является препятствием для «социальных общностей общения» («sozialer Verkehrsgemeinschaften»); последние, опять-таки, не всегда идентичны с эндогамными брачными общностями, потому что эти два круга по своему масштабу могут очень сильно отличаться друг от друга. Их близкое родство основывается только на одном и том же фундаменте: вере в специфическую, не присущую посторонним «честь» — этническую «честь» — индивидуумов, принадлежащих к этой общности, чье родство с «сословной» честью мы рассмотрим позднее. Здесь же мы будем довольствоваться этой краткой констатацией.

Всякое подлинно социологическое исследование должно было бы дифференцировать понятия намного тоньше, чем это сделали мы, исходя из наших ограниченных целей. «Общности» («Gemeinschaften») могут, со своей стороны, порождать чувство сродства (Gemeinsamkeitsgeföhle), которое сохраняется также и после исчезновения общности и воспринимается как «этническое». В особенности, такие последствия оставляет после себя политическая общность (Gemeinschaft). Но непосредственнее всего для такой общности это характерно в том случае, который связан с «ценностями массовой культуры» («Massenkulturguts»), когда взаимное «понимание» укрепляется или облегчается общностью языка.

Несомненно, что там, где в силу каких-либо причин воспоминание о возникновении внешней общности путем мирного обособления от материнской общности или переселения («колонии», «Ver sacrum» и подобные процессы) сохраняется в течение длительного времени, существует очень специфическое «этническое» чувство общности часто довольно значительного масштаба. Но оно обусловлено воспоминаниями о политической общности или, что более характерно для более раннего времени, посредством устойчивой связи с древними культовыми общностями (alten Kultgemeinschaften), кроме того, оно обусловлено непрерывным укреплением родовых союзов (Sippenverbände) и других естественно возникших общностей (Vergemeinschaftungen) с помощью как старой, так новой общностей, или посредством других непрерывных, постоянно ощущаемых отношений (ständig fühlbaren Beziehungen). Там, где эти отношения отсутствуют или прекращают свое существование, отсутствует также и «этническое» чувство общности, независимо от того, насколько тесным является кровное родство.

Если указать в общей форме, какие «этнические» отличия остаются, если отвлечься от языкового родства, ни в коем случае не совпадающего с объективно или субъективно воспринимаемым кровным родством, и равным образом от независимой от них тождественности (Gemeinsamkeit) религиозной веры, как и временно также от влияния общей чисто политической судьбы и воспоминаний о ней, что, по меньшей мере, объективно не имеет ничего общего с кровным родством — то таковыми будут, с одной стороны, как уже упоминалось, эстетически бросающиеся в глаза отличия направленного во вне габитуса (asthetisch auffällige Unterschiede des nach aussen hervortretenden Habitus) и, с другой стороны, причем совершенно равноправно с ними, явные (in die Augen fallende) отличия в повседневном образе жизни (Lebensführung des Alltags). А именно, так как в случае причин «этнического» разделения речь постоянно идет о внешне ощутимых значительных различиях, то есть о таких вещах, которые могут проявиться иначе, чем в порядке подчиненного социального значения.

Ясно, что языковая общность и вслед за ней, идентичность ритуальной регламентации жизни, обусловленная одинаковыми религиозными представлениями, образуют чрезвычайно сильные, действенные повсюду элементы «этнического» чувства родства, и именно потому, что осмысленная «понятность» (sinnhafte «Verständlichkeit») действия другого является элементарнейшей предпосылкой для образования естественно возникшей общности (Vergemeinschaftung). Но мы хотим здесь разделить эти два элемента и задаться вопросом, что остается после этого. И нужно также признать, чтобы сильные диалектные различия и религиозные различия по крайней мере абсолютно не исключают этнического чувства естественно возникшей общности.

Наряду с действительно сильными различиями экономического образа жизни для этнического чувства общности во все времена играли роль такие внешние выражения (Widerspielungen) этого образа жизни, как различия типичной одежды, типичных традиций жилищ и питания, традиционные виды разделения труда между полами и между свободными и несвободными, следовательно, все подобные явления, в отношении которых принято спрашивать, что считается «приличным» и что, прежде всего, затрагивает чувства чести и достоинства отдельного человека. Другими словами, все те вещи, в которых мы позднее увидим также предметы специфически «сословных» различий. Фактически убеждение в превосходстве своих и низкой ценности (Minderwertigkeit) чужих нравов, которое и питает этническую «честь», совершенно аналогично «сословным» представлениям о чести.

«Этническая честь» — это специфическая массовая честь (Massehre), потому что она доступна каждому, кто относится к субъективно мыслимой общности с единым происхождением (Abstammungsgemeinschaft). «Белый сброд» («poor white trash»), неимущие белые в американских южных штатах, очень часто влачившие жалкое существование в условиях отсутствия возмож-

ностей свободного труда, были в эпоху рабовладения наиболее типичными носителями расовых антипатий, которые были чужды самим плантаторам, потому что социальная честь этих белых была тесно связана с социальным деклассированием черных.

И за всеми «этническими» противоположностями стоит вполне естественно так или иначе мысль об «избранном» народе, и эта мысль является лишь аналогом (Pendant) сословных различий, который переводит отношения между этническими общностями в контекст горизонтальной рядоположенности, и популярность этой мысли была связана именно с тем, что ее в противоположность тому, что основывается на субординации, может субъективно разделять в равной мере каждый принадлежащий к каждой из презирающих друг друга групп. Поэтому этническое отталкивание (Abstossung) цепляется за все мыслимыми различия представлений о «приличиях» и делает их «этническими конвенциями».

Наряду с уже упомянутыми моментами, все же еще теснее связывающими с хозяйственным порядком, воспринимаются также такие явления, как манера ношения бороды и волос и им подобное, относящееся к конвенциализации — понятие, которое следует рассмотреть позже, — и противоположности действуют отныне отталкивающе в «этническом» отношении, потому что они выступают как символы этнической принадлежности. Но не всегда, конечно, отталкивание обусловлено только «символическим» характером отличительных признаков. То, что скифские женщины смазывали свои волосы животным маслом (Butter), которое издавало по прошествии некоторого времени прогорклый запах, а эллинские женщины, напротив, парфюмированным растительным маслом (Oel), сделало, как гласит античное предание (Überlieferung), невозможными попытки общественного сближения знатных дам обеих сторон. Запах масла действовал, конечно, более интенсивно как разделяющий фактор, чем самые значительные расовые различия, чем — насколько я сам мог заметить — мог бы подействовать мифический (fabulöse) «запах негра». «Расовые качества» способствуют образованию «этнической» веры в общность (Gemeinsamkeitsglaube), в общем, только в качестве границ, с учетом того, что они не выступают в случае слишком отличающегося (heterogenem), эстетически не воспринимаемого внешнего типа в качестве образующих общность в позитивном смысле (nicht als positiv gemeinschaftsbildend).

Сильные различия «нравов», которые при образовании этнического чувства общности и представлений о кровном родстве играют роль, совершенно аналогичную наследуемому габитусу, вполне закономерно возникали наряду с языковыми и религиозными различиями благодаря разным экономическим и политическим условиям существования, к которым должна была приспособиться человеческая группа.

Мы всегда мыслим четкие языковые границы, четко разграниченные политические или религиозные естественно возникшие общности

(Gemeinschaften) как основу для различий «нравов» — поскольку они в бескрайних просторах африканского и южноамериканского континента в действительности все же отсутствуют — но существуют только постепенные переходы «нравов», но ни в коем случае не устойчивые «этнические границы», за исключением тех, которые обусловлены значительными пространственными различиями.

Четкие разграничения (Scharfe Abgrenzungen) областей действия «этнически» релевантных нравов, которые не обусловлены ни политически, ни экономически, ни религиозно, закономерно возникают посредством переселения или экспансии, которые превращают в соседей человеческие группы, жившие до того в течение продолжительного времени или временно в отдалении друг от друга и оттого приспособившиеся к очень разнородным условиям. Возникший таким образом отчетливый контраст в образе жизни обычно побуждает обе стороны к продуцированию представлений о взаимной «чуждости по крови» («Blutsfremdheit»), которые являются довольно независимыми от объективных обстоятельств.

Итак, влияние, которые оказывают «этнические» моменты в специфическом смысле, то есть вера в кровное родство, основывающаяся на тождественности или различиях внешних проявлений личности и ее образа жизни или ее противоположность в процессе образования естественно возникших общностей (Gemeinschaft), в общем, конечно, определить очень тяжело, и оно в каждом отдельном случае также является проблематичным. «Этнически» релевантные «нравы» действуют, в общем, не по-иному, чем нравы вообще — об их сущности еще нужно будет поговорить в другом месте. Вера в родство происхождения (Abstammungsverwandtschaft) годна для того, чтобы совокупно со сходством нравов благоприятствовать распространению общественного действия, воспринимаемого отчасти как «этнически» связанное (Verbundenen), за пределы данной общности, так как сознание естественно возникшей общности (Gemeinschaftsbewusstsein) способствует «подражанию». Это в особенности имеет значение для пропаганды религиозных общностей.

Но речь здесь совершенно не идет о подобных неопределенных положениях. Содержание общественного действия, возможного на «этническом» базисе, остается неопределенным. Этому соответствует узкая однозначность тех понятий, которые исключительно «этничны», то есть, указывают на общественное действие, обусловленное верой в кровное родство: «народность» («Völkerschaft»), «племя» («Stamm»), «народ» («Folk»), — каждое из которых обычно используется для обозначения этнического подразделения следующего понятия (но также, наоборот, оба первых являются подразделениями первого). Вполне закономерно, если используются эти выражения, домысливается либо действительная политическая естественно возникшая общность (politische Gemeinschaft), будь она даже и слабой, либо воспоминания о некогда существовавшей постольку, поскольку она сохраняет общие геро-

ические саги, или языковые или диалектные общности (Sprach- bzw. Dialektgemeinschaften) или, наконец, культовая общность (Kultgemeinschaft).

Собственно разного рода культовые общности были в прошлом прямо-таки типичными сопутствующими явлениями «родового» или «народного» сознания, покоящегося на мыслимой кровной общности. Но если при этом отсутствовала политическая, существующая или некогда существовавшая общность, то внешнее разграничение общности было большей частью достаточно неопределенным. Культовые общности (Kultgemeinschaften) германских племен еще в позднебургундские времена были остатками (Rest) политических общностей и оттого являлись, по-видимому, довольно строго очерченными в своих границах. Дельфийский оракул, напротив, был, правда, несомненной отличительной чертой культовой жизни эллинов (Hellenentums) как одного «народа». Но бог посылает весть также и варварам и принимает от них почести, а, с другой стороны, в общественном осуществлении (vergesellschafteten Verwaltung) культа участвовала только незначительная часть эллинов и, причем самые могущественные из представителей их политических общностей непосредственно даже не принимали участия в этом.

Культовая общность как экспонент «племенного чувства», следовательно, в общем, является либо остатком некогда существовавшей более узкой общности большей частью политического характера, рассеянной путем расщепления и колонизации, либо, более того — как у дельфийского Аполлона — продуктом привнесенной другой в качестве чисто «этнической» условий культовой общности, которая, со своей стороны, позволяет возникнуть вере в кровное родство. Весь ход истории указывает на то, как чрезвычайно легко, если отвлечься от случаев значительных различий антропологического типа, собственно политическое общественное действие (Gemeinschaftshandeln) создает представление о «кровной общности».

Отношение к политической общности (Gemeinschaft)

Ясно и четко «племя» («Stamm») извне ограничивается естественно там, где оно является подразделением политической общины (Gemeinwesen). Но само это разграничение большей частью искусственно создается политической естественно возникшей общностью (politischen Gemeinschaft). На это указывают уже округленные числа, в которых это разграничение обычно выступает, например, упомянутое ранее разделение народа Израиля на 12 колен, равно как и три дорийских и различных в количественном отношении «филов»² других эллинов. При новом основании или новой организации общины (Gemeinwesen) они были подразделены искусственно вновь, и «род» здесь, следовательно, хотя он и был всегда связан со всей символикой кров-

² Филы (греч. phylai), родоплеменные общности в Древней Греции, преобразованные затем в территориальные округа (прим. переводчика).

нородственных общностей, в особенности, с родовым культом, являлся лишь искусственным продуктом политической естественно возникшей общности (Gemeinschaft).

Возникновение специфического и основанного на кровнородственных связях чувства общности (blutverwandtschaftsartig reagierenden Gemeingefühls) для чисто искусственно разграниченного политического образования еще и сегодня не представляет из себя ничего диковинного (seltenes). Самые схематичные политические образования, например, выделенные в соответствии с широтами в квадратическом порядке «штаты» американского союза, демонстрируют очень развитое местное сознание (Sonderbewusstsein): случаи, когда семьи из Нью-Йорка отправляются в Ричмонд только для того, чтобы ожидаемый ребенок родился там и, следовательно, стал «виргинцем», не являются редкостью. Искусственность подобных разграничений, конечно, не исключает того, что, например, эллинские «филы» первоначально где-нибудь и каким-нибудь образом существовали самостоятельно, а потом при первом размежевании полисов были схематично привязаны скорее к ним, чем они к политическому союзу.

Но потом сущность существовавших до полиса «племен» (они далее называются не «филами», а «этносомами») либо стала идентичной с соответствующими политическими общностями, которые потом были объединены (vergesellschafteten) в «полис», либо, если это не было случайностью, то все же предположительно в очень многих случаях политически неорганизованное племя (Stamm) как идеально полагаемая «кровная общность» жило воспоминаниями о том, что оно некогда ранее была носителем политического общественного действия (Gemeinschaftshandels), частью, правда, только мнимого, предполагающим отдельное завоевательное переселение или, напротив оборону против нападения извне, а впоследствии именно эти политические воспоминания становились первичным по отношению к «племеню» («Stamm»).

То обстоятельство, что «племенное сознание» («Stammbewusstsein»), как правило, обуславливалось в первую очередь общей политической судьбой, а не «происхождением», могло быть при всем сказанном очень частым источником «этнической» веры в общую принадлежность. Но не как единственный источник, потому что общность «нравов» может иметь под собой самые различные причины и, наконец, обуславливаться в первую очередь приспособлением к внешним природным обстоятельствам или к пребыванию в окружении определенных соседей.

Но практически существование «племенного сознания» опять-таки означает по обыкновению существование некоей политической сущности, то есть то, что собственно при внешней военной угрозе или при достаточном побуждении к собственной военной активности на этой основе особенно легко возникает направленное вовне политическое общественное действие и, следовательно, возникают как таковые субъективно воспринимающие друг

друга в качестве кровнородственных «сородичей» («Stammgenossen») (или «соплеменников»). Потенциальное воспламенение (Aufflamen) воли в целях политического действия все же является не единственной, а одной из ряда реальностей, которые стоят в конечном итоге за многозначным в целом в содержательном отношении понятием «племени» или «народа».

Это возможное политическое действие (Gelegenheitshandeln) может развиваться с особенной легкостью также и, несмотря на отсутствие всякой нацеленных на него естественно возникших общностей (Vergesellschaftungen) до уровня считающегося «нравственной» нормой долга солидарности, объединяющего соплеменников и сородичей в случае военного нападения, отступление от которого влечет для соответствующих политических общностей, даже если не существует никакого общего «органа», судьбу племен сегестов и ингуиомаров [Segestes und Inguiomar] (изгнание со своей территории). Но если эта стадия развития достигнута, то тогда племя фактически стало устойчивой политической общностью (politische Dauergemeinschaft), которая может в мирные времена также оставаться латентной и поэтому, естественно, лабильной.

Переход от просто «привычного» («Gewöhnlichen») к традиционному (Gewohnten) и потому к «должному» («Gesollten») является в этой области, и, прежде всего, при благоприятных обстоятельствах, очень текучим. Мы повсеместно обнаруживаем в «этнически» обусловленном общественном действии (Gemeinschaftshandeln) тесно переплетенные друг с другом явления, которые действительно точное социологическое рассмотрение, которое мы здесь даже и не пытаемся осуществить, должно было бы разделить тщательнейшим образом: фактическое субъективное воздействие «нравов», обусловленных, с одной стороны, склонностями (Anlage). С другой стороны — традициями, значение всего самого разнообразного содержания «нравов», обратное воздействие языковой, религиозной, политической общности, былой и современной, та мера, в которой все эти отдельные компоненты создают притяжение и отталкивание между общностями, и, в особенности, веру в кровную общность и кровную чуждость (Blutsgemeinschafts- und Blutsfremdheitsglauben) между ними, создавая различные последствия для действия, сексуального общения различного рода, для шансов различных общественных действий (Gemeinschaftshandeln) на почве чувства общности нравов или на почве веры в кровную общность — все это необходимо было бы исследовать специально и в отдельном порядке.

При этом определенно следовало бы выбросить за борт собирательное понятие «этнический», поскольку оно является для каждого действительно точного исследования совершенно бесполезным собирательным наименованием. Но мы не занимаемся социологией исключительно ради нее самой, и поэтому будет довольствоваться тем, что кратко укажем, какие очень запутанные (verzweigten) проблемы скрываются за феноменами, кажущимися очень простыми.

Понятие «этнической» общности, испаряющееся (verflüchtigende) при более точном образовании понятий, в этом отношении соответствует до определенной степени в нашем восприятии, преимущественно отягощенном патетическими интонациями (pathetischen Empfindungen), понятию «нации», постольку мы и попытаемся постигнуть его социологически.

«Нация» и «народ»

«Национальность» разделяет с «народом» в общепринятом «этническом» смысле, по меньшей мере, в нормальном порядке широкое представление, что в основе воспринимаемого как «общее» должна лежать общность происхождения, хотя согласно реальному порядку вещей люди, которые рассматривают себя как соплеменники («Nationalitätsgenossen»), не только случайно, но и часто являются по происхождению далекими друг от друга как таковые, и относятся к различным и враждебным национальностям.

Различия между национальностями могут существовать, например, несмотря на несомненное сильное родство происхождения (Abstammungsverwandtschaft), и только потому что наличествуют различия религиозных конфессий, как между сербами и хорватами. Реальные причины веры в существование «национальной» общности (Gemeinsamkeit) и общественного действия, строящегося на этой общности, очень различны. Сегодня, в эпоху битв за язык (Sprachenkämpfen), в качестве нормального базиса «национальной» общности имеет значение, прежде всего, «языковая общность». То, чем «национальная» общность в содержательном отношении обладает в противовес простой языковой общности, естественно потом можно искать в специфическом результате (Erfolg), на который было направлено ее общественное действие (Gemeinschaftshandeln), и это может быть только особым *политическим союзом* (politische Verband).

Сегодня «национальное государство» как понятие стало фактически идентичным с «государством», основанным на единстве языка. В реальности наряду с политическими союзами, а именно политическими союзами современного типа, основывающимися на «национальном» базисе в смысле единства языка, в значительной количестве существуют и такие политические союзы, которые, включая в себя многие языковые общности (Sprachgemeinschaften), большей частью, но не всегда, предпочитают использовать в политическом общении один язык.

Но также для так называемого «национального чувства» — мы поначалу оставляем это понятие неопределенным — не достаточно языковой общности, как то показывают наряду с уже упомянутым примером ирландцы, швейцарцы и немецкоязычные эльзасцы, которые не чувствуют себя, по меньшей мере, в полном смысле слова, членами «нации», объединяемой одним языком. Но, с другой стороны, языковые различия не являются абсолютным препятствием для чувства «национальной» общности: немецкоязычные эль-

засцы чувствовали в свое время и чувствуют себя большей частью еще и сейчас составной частью французской «нации». Но все же в полном смысле слова не так, как французы, говорящие на французском языке.

Следовательно, существуют «ступени» качественной определенности «национальной» веры в общность (*Gemeinsamkeitsglauben*). У немцев-эльзасцев широко распространенное среди них ощущение общности (*Gemeinsamkeitsempfindung*) с французами наряду с определенной общностью «нравов» и определенными ценностями «смысловой культуры» (*Güter der «Sinnenkultur»*) обусловлено — на что указал именно Виттих — политическими воспоминаниями, о чем свидетельствует все то, что, будучи тривиальным для непосвященных, относится для эльзасцев к числу патетически оцениваемых реликвий (триколор, военный шлем, указ Луи-Филиппа, прежде всего, революционные реликвии), что и показывает музей в Кольмаре.

Общие политические и одновременно косвенным образом социальные судьбы, высоко оцениваемые массами как символы уничтожения феодализма, создали эту общность, и ее легенды заменяют героические саги примитивных народов. «Великая нация» была освободительницей от феодального гнета, считалась носительницей «культуры», ее язык был подлинным «культурным языком» («*Kultursprache*»), а немецкий воспринимался лишь как «диалект» для повседневного употребления, и приобщение к говорящим на культурном языке (*Kultursprechenden*), следовательно, было, очевидно, родственным специфическому чувству общности, основанному на языковой общности, но все же не идентичным с ним внутренним отношением (*Haltung*), основанным на частичной «культурной общности» и политических воспоминаниях.

Далее, у верхнесилезских поляков, до недавнего времени, в общем, не было распространено осознанное польское «национальное чувство» в том смысле — по крайней мере, не в релевантной здесь степени — что они чувствовали бы себя в существенном отношении противоположностью прусскому политическому союзу (*Verband*), основанному на базе немецкой языковой общности. Они были лояльными, пусть даже и пассивными, «пруссаками», столь же мало они были также «немцами», заинтересованными в существовании национального политического союза «германского рейха», но и не имели, по меньшей мере, в своей массе, осознанной или сильной потребности в обособлении от своих немецкоязычных сограждан. Здесь полностью отсутствовало, следовательно, развиваемое на основе языковой общности «национальное чувство» и о «культурной общности» при недостатке культуры не могло быть даже и речи.

У прибалтийских немцев не было распространено ни «национальное чувство» в смысле позитивной оценки языковой общности со всеми немцами как таковыми, ни страстное желание (*Sehnsucht*) политического объеди-

нения с «Германским рейхом», которое они, более того, преимущественно отвергали³. Но, напротив, они — отчасти исходя из очень сильных «сословных» противоположностей, отчасти из-за противоположности и взаимного недопонимания и презрения в том, что касается «нравов» и культурных благ по отношению к славянскому окружению, в особенности к русскому — очень сильно, хотя и даже отчасти, потому что они демонстрировали интенсивную лояльную вассальную верность по отношению к правящей династии (*Herrscherhause*), показали себя заинтересованными в сохранении руководимой этой династией политической общности, которую они снабжали чиновниками (и которая опять-таки экономически обеспечивала их потомство) в той же степени, что и какой-нибудь «чистокровный русский» («*Nationalrusse*»).

Здесь, следовательно, в любом случае отсутствует все, что в современном, языковом или также и культурно ориентированном смысле можно было бы назвать «национальным чувством». Здесь присутствует то же, что и у чистых пролетариев-поляков: распространена лояльность по отношению к политической общности в смешении с чувством общности, ограниченным внутри нее локальной языковой общностью и в то же время в значительной мере «сословно» обусловленным и модифицированным. Также ни в коем случае не существовало, конечно, единства (*Einheitlichkeit*) в сословном отношении, даже если противоположности не были столь разительными, как то, что было внутри белого населения южных штатов США. Но внутренние сословные и классовые противоположности отступали на задний план в первую очередь перед угрозами, касающимися всей языковой общности.

И, наконец, существуют случаи, где наименование не является адекватным, как в случае чувства общности у швейцарцев и бельгийцев или у люксембуржцев и лихтенштейнцев. Не количественная «малость» («*Kleinheit*») политического союза является решающим для того, чтобы мы сомневались в применимости к нему соответствующего наименования — голландцы для нас являются «нацией» — а осознанный отказ от «державного могущества» («*Macht*»), который провозгласили такие «нейтрализованные» политические общности, произвольно пробуждает у нас подобные сомнения (*Bedenken*). Швейцарцы — это не «нация» в строгом смысле слова, если взглянуть на языковую или культурную общность в смысле наличия общих литературных или художественных культурных благ.

Несмотря на это, и в том числе, несмотря на все недавно появившееся смягчение, распространенное у них сильное чувство естественно возникшей общности (*Gemeinschaftsgefühl*) мотивировано не только лояльностью по отношению к политической общности (*Gemeinwesen*), но также и своеобразием «нравов», которые — независимо от того, каким может быть объективный

³ Написано перед войной (*примечание издателя*).

порядок вещей — субъективно воспринимаются как широко распространенное общее и, со своей стороны, в очень значительной мере обусловлены социальными структурными противоположностями, особенно по отношению к Германии, но и вообще по отношению ко всякому «большому» и оттого милитаристскому политическому образованию со всеми соответствующими последствиями для специфики структуры внутреннего господства, и оттого эти «нравы» также выступают как гарантированные только обособленным существованием.

Лояльность канадских французов по отношению к английской политической общности сегодня равным образом обусловлена прежде всего глубокой антипатией по отношению к экономическим и социальным структурным отношениям и нравам в соседнем американском союзе, в сравнении с которыми принадлежность к Канаде расценивается как гарантия более полного (*überkommenden*) своеобразия. Массу аналогичных случаев (*Kasuistik*) можно легко увеличить и это следовало бы сделать с помощью точного социологического исследования.

Она показывает, что характеризующие общим наименованием «национальное» чувства общности (*Gemeinsamkeitsfühle*) не являются чем-то однозначным, а могут питаться очень разными источниками: различия социального и экономического расчленения и структура внутреннего господства могут играть роль со своим влиянием на «нравы», но не должны делать этого — потому что внутри германского рейха они и так столь различны, как только это возможно — как источники могут действовать общие политические воспоминания, конфессия и языковая общность и наконец, разумеется, также обусловленный расой *габитус* (*Habitus*).

Этот часто проявляется довольно своеобразным способом. Общее «национальное чувство» вряд ли объединяет в Соединенных Штатах белых с черными, если взглянуть со стороны белых, в то время как чернокожие американцы обладали и обладают американским «национальным чувством», по крайней мере, в том смысле, что у них есть право претендовать на это. И все же существует, например, у швейцарцев гордое самосознание своего своеобразия и готовности решительно выступить в его защиту в случае необходимости, которое не является ни иначе выраженным в качественном отношении, ни менее распространенным среди них в количественном отношении, чем у какой-нибудь «большой» в количественном отношении и лишенной «державного могущества» («*Macht*») «нации».

Мы всегда обнаруживаем себя ссылающимися при использовании понятия «нация» на отношение к политическому «могуществу» («*Macht*») и далее, следовательно, является «национальным» — если это существует как нечто единое — специфический род *пафоса*, который в группе людей, связанных языковой, конфессиональной, нравственной общностью или общностью судеб, соединен с мыслями о ее собственной, уже существующей или страстно ожидае-

мой политической организации власти (*Machtgebildeorganisation*), причем, чем больше акцент на «власть» («*Macht*»), тем специфичнее эта группа.

Эта патетическая гордость политическим могуществом («*Macht*»), которым располагает общность, или эта патетическая тоска к абстрактному политическому «могуществу» общности как таковой может быть широко распространена в «маленькой» в количественном отношении общности как языковые общности современных венгров, чехов, греков, равно как и в других общностях, качественно тождественных с ними и при этом намного более крупных в количественном отношении, например, у немцев полвека назад, которые тогда тоже были преимущественно только языковой общностью, но ни в коем случае не имели «национальных» претензий на могущество (*Machtpräntionen*).

Перевод с немецкого А.Б. Рахманова